

*Моей маме, моим тетям, моей бабушке,
от которой я унаследовала свой нос*

«М» значит Маравилья

День сегодня дождливый и ветреный.

Обычно в этих числах июня люди уже ходят на море и чистят сардины, чтобы потом пожарить их на террасе. Но сегодня даже носа на улицу высовывать не стоит: небо тяжелое, словно кусок бетона, а облака стремительно бегут к краю земли и там громоздятся друг на друга, становясь все темнее и темнее.

Сельма в постели, она уже давно не встает.

Роза приносит ей куриный бульон и молоко — только такую пищу Сельма может переварить. С некоторых пор Роза решила, что будет готовить для дочери сама, а другим не позволит; и раньше горе было тому, кто без спросу подойдет к ее эмалированным кастрюлям и испанским ножам, торжественно разложенным по шкафам и ящикам, подобно медалям за отвагу, но теперь она и вовсе с ума сходит, стоит кому-то поставить кастрюлю на огонь или помешать суп. Роза часами торчит на кухне, и бульон у нее выходит аппетитный, но такой легкий, что почти не пахнет, — только он и по силам Сельме, которая сейчас ест словно птичка.

Сидя на жестком деревянном стуле рядом с кроватью, Роза наблюдает, как Сельма пьет, и лоб женщины рассекает глубокая морщина.

— Дочка, милая, я знаю, почему у тебя аппетита нет. Все оттого, что ты ешь лежа. Мы же крещеные, значит, и есть должны сидя: так правильно, тогда пища и входит, как положено, и выходит, как ей нужно.

Роза заставляет дочь выпрямиться, опереться спиной на подушки, и Сельма старается: она пробует подняться, расправляет плечи, как велела ей в детстве учительница вышивания. Но в такой позе боль в груди лишь сильнее, и с каждым вдохом ее дыхание становится все более хриплым и прерывистым. Единственный способ сдержать кашель, произнести хоть несколько связных предложений — это устроиться полулежа, вытянув ноги, и откинуться на четыре толстые подушки, подложенные под спину. Восстановив дыхание, Сельма делает несколько глотков бульона; после этого Роза успокаивается и разрешает дочери вернуться к шитью. «Зингер» пылится в гостиной, Сельма не заходила туда уже несколько недель, теперь она может только вышивать. Дочери крутятся у кровати и по очереди подают ей пяльцы, корзину для шитья, очки. Патриция не может усидеть на месте, стоит на страже у туалетного столика матери, пристально следит за ней черными глазами. Настороженный взгляд улавливает каждое движение: Сельме достаточно кивнуть, когда уймется приступ кашля, и Патриция тут же вкладывает ей в руки вышивку — витиеватую букву М, намеченную синими шелковыми нитками на белом хлопке. Лавиния, сидя на кровати в ногах у матери, наблюдает, как та иголкой выводит на ткани изящный инициал.

— Что значит буква М, мама?

— Ну и дуреха же ты! Что, по-твоему, может значить буква М? — Патриция отвечает быстрее, чем Сельма успевает открыть рот, и Лавиния бросает на сестру злобный взгляд: если та и дальше будет звать ее дурой, в конце концов все решат, будто она и вправду глупая.

— Патри, а тебя что, спрашивали? — возмущается она. — Вечно везде лезешь.

— А ну, прекратите обе.

Голос Розы заставляет внучек замолчать, а Сельма касается Лавинии тыльной стороной руки, прося продеть нитку в игольное ушко. Она плохо видит из-за лекарств, которые затуманивают зрение и разум.

Лавиния, уже успевшая сердито надуть губы, теперь сосредоточенно хмурится.

Сельма нарушает молчание:

— Хочу вышить кое-что на школьном фартуке твоей сестры. Сперва думала вышить «Маравилья» над нагрудным карманом, но, наверное, просто оставлю одну букву. Подумала, что это еще и первая буква ее имени.

Она указывает на свою младшую дочь, Маринеллу; та, лежа в изножье кровати, поднимает белокурую головку от рисунка — волны и всевозможные закорючки, нацарапанные синими и красными карандашами. Она еще совсем кроха, занимает так мало места, да и Сельме нужно немного; уже несколько дней они лежат на постели вдвоем, свернувшись, будто кошки в корзинке.

Сегодняшний день цветом как позавчерашнее молоко — зеленовато-белый. Хотя Сельма не встает с кровати, она полностью одета: красная юбка до колен и пурпурная блузка;

цвета диссонируют с бледным лицом, она кажется огромной каплей крови на простыне.

В середине дня Сельма кладет вышивку на матрас и признается, что плохо себя чувствует. Она не хочет ни бульона, ни молока, Лавинии удается лишь смочить ей губы мокрым платком, расшитым ромашками. Патриция бежит звонить врачу; даже она, всегда такая ловкая и проворная, сейчас неуклюже запинается и путается в собственных ногах, как в детстве, когда пробиралась домой из школы во время снежной бури, наперекор ветру. Вернувшись в комнату матери, она больше не смеет подойти к кровати. Забившись в угол, смотрит на Сельму: голова повернута набок и покоится на подушках, волосы растрепались, воротник расстегнут, руки скреплены на животе, ноги скрещены в лодыжках рядом с Маринеллой. Всего несколько месяцев назад Сельма поутру обходила весь рынок, а после возвращалась домой шить или готовить; только после обеда, когда все дела были переделаны, она позволяла себе отдохнуть. Патриция ни разу не видела, чтобы мать лежала в постели днем по другой причине.

Лавиния даже не думает отнимать руку, за которую цепляется Сельма.

— Мама, может, помочь тебе подняться? Так будет легче дышать. Можем даже проветрить, если хочешь.

— Мне и так удобно. Скоро все пройдет.

Роза, сидящая с другой стороны от кровати, скользит ладонью по простыне и дотрагивается до внучки.

— Оставь ее в покое.

Лавиния слушается, но не отрывается взгляда от губ Сельмы, ловя любое желание, которое сорвется с них вместе

с хриплым дыханием. Она скорее готова описаться, чем отойти.

— Где Маринелла?

Задыхаясь, Сельма обшаривает взглядом комнату. Ее младшая дочь вцепилась в набалдашник у изножья кровати — спина прижата к дереву, лицо окаменело.

— Марине, подойди поближе, — зовет ее Лавиния.

Маринелла тут же оказывается рядом, но Сельма не может выпустить руку Лавинии и потому выражает свою заботу словами.

— Веди себя хорошо и слушайся сестер.

Ее запах изменился. Приблизившись, Маринелла чувствует в груди матери нечто неприятное, полускрытое ароматом жасмина, который Роза обычно кладет под подушки.

Сельма дрожит, а с ней и кровать, потолок, стены, пол.

— Господь всемогущий, землетрясение! — восклицает Роза.

Патриция бросается к Маринелле, пытаясь защитить ту от всего, что может сломаться, упасть, ушибить или ранить; она падает на пол и прячется вместе с мальшкой под кроватью. Маринелла утыкается носом в шею старшей сестры, рядом с ключицей, и, кажется, собирается остаться в этом убежище навсегда.

Лавиния, вжавшись в матрас, крепче стискивает руки Сельмы и представляет, как все вокруг ломается и рушится, абсолютно все. Но не трогается с места, сжимая пальцы матери. Даже если бы она захотела убежать, она все равно не знает куда.

Роза — настороженная, с волосами, собранными в пучок, — встречается взглядом с внучкой и слушает, как

дрожат стены, крыша, пол и сердца в эту минуту, которая кажется длиннее всей ее жизни. Она думает, что ничего страшного не случится, если землетрясение унесет их с собой, всех вместе, сбившихся в кучу у кровати, потому что может быть и похуже — если одни останутся жить, а другие нет.

Затем все прекращается.

И Сельма Кваранта умирает 18 июня 1970 года.

Прожив двадцать один год под фамилией Маравилья.

PO3A

Людской закон

Отец Розы, Пиппо Ромито, всегда говорил: «Женщина что колокол: не ударишь — не запоет». С тех пор как Роза стала достаточно взрослой, чтобы сносить рукоприкладство, он только и делал, что колотил и дочь, и жену. Когда мать Розы умерла, будучи еще совсем молодой, — чему виной не только побои, но и различные болезни и прочие несчастья, — бить, кроме Розы, стало некого. Братьям тоже доставалось от отца, но меньше: может, потому, что они никогда не пытались идти ему наперекор, а может, потому, что родились мальчиками, а с мальчиками всегда обходятся мягче.

Однажды Роза спросила у своего брата Нино, как так получилось, что Пиппо Ромито постоянно их бьет, и тот ответил, что таков людской закон: отцы командуют, а дети подчиняются, пока мальчики сами не станут отцами, а девочки не научатся себя вести. Это было единственное объяснение, которого Роза добилась от мужской части семьи. Задав тот же вопрос Чекко, старшему из братьев, она получила в ответ только пощечину.

Лишь однажды Роза обратилась к отцу с просьбой: разрешить ей хоть иногда выходить из дома одной, как братьям.

Ей так хотелось после мессы купить кассателлу* с рикоттой и перекусить у ручья, опустив ноги в воду и глядя, как над головой пролетают ястребы; она бы вернулась вовремя и успела приготовить воскресный обед, тут и сомневаться нечего, ей просто хотелось чуть-чуть вздохнуть свободно. Пиппо Ромито избил ее так, что она не вставала неделю, просто за то, что доверила ему свое желание.

— Пока я жив или пока мир не перевернется с ног на голову, в этом доме я требую, а ты повинуешься. Не наоборот. Поняла?

Сельский врач, доктор Руссо, пришел проверить, не сломаны ли у Розы кости. Он посоветовал давать ей молоко, хлеб и мед, чтобы поскорее восстановить силы.

— У вас только одна дочь, мастер Пиппо. И ее не-плохо бы поберечь, согласны? Вот увидите, когда придет старость, Розина будет вам подмогой.

Больше всего Пиппо Ромито раздражали две вещи. Думать о старости — и когда кто-то указывал ему, что делать. К тому же Розе уже исполнилось тринадцать, она становилась женщиной, и отцу казалось неприличным, что ее осматривает врач-мужчина. Так что доктор Руссо отправился восьмьми с тремя бутылками оливкового масла и пространными благодарностями. А Пиппо Ромито пригласил взамен него Гаэтану Риццо, которую все называли Медичкой, потому что она соображала в лекарском деле, но за свои услуги брала всего одну бутылку масла.

* Кассателлы (итал. cassatelle) — сладкие пирожки из песочного теста с разными начинками, включая рикотту, шоколад и миндаль. — Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Розе доводилось видеть издалека, как эта женщина идет по деревне, — шуршат темная юбка и рукава накидки, на шее болтаются длинные четки, черная вуаль скрывает волосы и верхнюю часть лица. Ходили слухи, что она лысая, что у нее нет мизинцев, что она ведьма. Впервые увидев ее в собственном доме, Роза укрылась простыней до самого носа, оставив снаружи только глаза, и настороженно следила за тем, как Медичка бродит по кухне. Казалось, она даже не касается ногами пола, словно между ним и подолом юбки можно просунуть палец. Разговаривая с Пиппо Ромито, она придерживала вуаль рукой, затянутой в перчатку, — глаза опущены, видны лишь кончик носа и часть лба. В ответ на каждое приказание отца она кивала, не подавая голоса; по крайней мере, Розе на кровати не было слышно того, что она говорила. Пиппо Ромито потребовал, чтобы Медичка помалкивала, — а коли примется сплетничать с деревенскими о том, что творится у него дома, пусть пеняет на себя, — но был готов щедро оплачивать работу. Он разрешил Медичке приходить и уходить по ее усмотрению, а также брать яйца из-под несушек и овощи с огорода, чтобы готовить для Розы мази и целебное питье. А если перед уходом она заправит постели, подметет пол и приготовит что-нибудь поесть, ее ждет дополнительное вознаграждение.

Когда Медичка впервые приблизилась к кровати Розы, девочка задрожала: братья рассказывали, что корзина ведьмы доверху набита пиявками, которые только и ждут, чтобы намертво присосаться к человеку и вытянуть из него не только отеки, но и всю кровь. Медичка сдернула с нее простыню, и Роза приготовилась царапаться и кусаться,

лишь бы не дать посадить на себя чудовищ; но боевой задор угас, когда черная вуаль откинулась и перед девочкой предстало лицо — не молодое и не старое, с оливковой кожей, бронзовыми скулами и темными глазами. Короче говоря, лицо обыкновенной женщины, а вовсе не ведьмы. Ее длинные, до пояса, волосы были заплетены в косу. Под накидкой, которую Медичка сняла, чтобы та не сковывала движений, обнаружилось крепкое тело.

А вот мизинцев у нее и впрямь не оказалось.

— Сядь.

Роза вскрикнула, когда Медичка резким движением вправила ей лопатку. В своей плетеной корзине женщина держала не червей и не жуков, а куски чистого полотна и травяную кашицу, чтобы очищать открытые раны и делать примочки на ушибах.

— В следующий раз повернись к нему спиной. Когда отец бьет тебя, поворачивайся спиной и прикрывай лицо. Один удар — и тебя никто не возьмет. Слушайся меня, если хочешь найти себе мужа.

Медичка приходила еще несколько раз, хотя Пиппо Ромито все реже удавалось добраться до Розы: с каждым днем он дряхлел и терял силы, а дочь становиласьстройной и юркой, будто ящерица, и без труда выскользывала из его хватки. Правда, порой ей все равно доставалось, иначе Пиппо Ромито некуда было бы выпустить пар: он мог разнести в щепки всю мебель в доме или вымести злость на курах в сарае, а остьаться без стульев или яиц было куда хуже. Во время одной из таких стычек Роза упала и ударила лицом об пол, из рассеченной брови хлынула кровь, и Роза потеряла сознание, так что отец послал Чекко

за Медичкой. Чтобы рана затянулась, та приготовила отвар из растения, называемого синеглазкой, в смеси с яичным белком; чтобы привести девушку в чувство после удара головой, женщина дунула ей в нос смесью перца и ладана. Роза, которая уже знала, что Медичка умеет закрывать раны, останавливать кровь и снимать отеки, очнулась, сгорая от любопытства; она тыкала пальцем в содержимое корзины и сыпала вопросами: «Для чего это?», «Что делать с этим?», «Откуда у вас вон то?». Медичка отвечала, подробно и четко, как ученая, — может, из симпатии к Розе, а может, потому, что ей надоело быть единственной ведьмой в деревне.

Через некоторое время Роза научилась готовить большинство лекарств. Укроп, тимьян и лимон, чтобы снять отеки и свести синяки; компрессы из глины на ночь, чтобы заглушить боль в костях. А еще настой аниса от боли в желудке и картофельная вода от поноса — ее братья, маявшиеся животами, высоко оценили эти средства. Однако изменило ее жизнь знакомство со свойствами корня валерианы: настоящий на семенах мака, он придавал бульону восхитительный аромат и погружал Пиппо Ромито в глубокий сон.

Роза так ничего и не узнала о жизни Медички; она набралась смелости попросить женщину преподать ей свойства целебных трав, но не спрашивала, где та спит, есть ли у нее дети, по кому она носит траур, чем занимается, когда никто в деревне не болеет. Осенью 1922 года Медичка слегла; доктор Руссо не захотел ее осматривать, и, провалившись неделю в лихорадке, с раздувшимися, как две дыни, миндалинами и горящими легкими, она умерла в одиночестве, словно бродячая псина. Приходской священник отказался ее

отпевать. Тело Медички, уже облаченное в черное, подняли с соломы и похоронили за деревней, на краю дубравы. Узнав об этом, Роза поставила на могиле крест из сухих веток.

Поначалу она даже не пыталась сама готовить мази и настои. У нее и без того было слишком много дел: помимо уборки, готовки и походов на рынок, в ее обязанности входило таскать тяжелые ведра с водой от ручья. Она возвращалась в дом, согнувшись в три погибели, чувствуя, как ручки ведер врезаются в ладони, а братья лишь заливались смехом.

— Носишь по ведру за раз, Розина? Будешь так плестись, и к осени не успеешь, — говорил Чекко.

А Нино ему вторил:

— Может, лучше завести осла?

В деревне за водой ходили женщины. Старая вдова, донна Чекка-Колченожка — ее так прозвали потому, что она хромала на одну ногу, — тратила на это весь день. Однажды Розе надоело это видеть: она встала на рассвете и, прежде чем взяться за свои ведра, наполнила три кадки в доме донны Колченожки. Вдова чуть не разрыдалась от такой доброты, ведь у нее было четверо сыновей — трое умерли от болезней, последний погиб на Пьяве* — и ни одной дочери. Она была благодарна Розе и каждый раз, когда та приносила воду, давала девочке две лиры с портретом короля. Впервые взяв в руки настоящие деньги, Роза чуть не упала в обморок от волнения, но сдержалась и уважительно возразила:

* Сражение между итальянскими и австро-венгерскими войсками у реки Пьяве во время Первой мировой войны (15–23 июня 1918 года), последнее наступление австро-венгерских сил перед капитуляцией осенью 1918 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru